

Culture of Eastern Civilizations. Recent Discoveries

Культура восточных цивилизаций: открытия и находки

DOI 10.31696/2618-7043-2018-1-2-209-236

УДК 73+94(517+470.62/.67)«12»

ВАК 07.00.09

Отражение исторической эпохи в миниатюрной скульптуре монгольских шахмат XIII века

С.-Х. Д. Сыртыпова

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация, syrtyp@mail.ru

Аннотация: статья продолжает тематику монгольских шахмат середины XIII в., начатую в предыдущем номере. Представлено источниковедческое описание сохранившихся шахматных фигурок и обоснование датировки предметов периодом военного похода Хулагу-хана (1217–1265) на Ближний Восток. Шахматные баталии служили не только для тренировки ума, но и для отработки боевых действий на поле брани. Изготовители шахмат, художники и их заказчики часто отображали в шахматной миниатюре вполне конкретные исторические события и лица, поэтому фигурки королей иногда оказываются портретами известных монархов. Учитывая буддийский стиль скульптур, вероятно, в качестве *ноёна* был изображен Угэдэй-хан (1186–1241), построивший столицу монгольской империи Каракорум (Хархорин) в долине реки Орхон.

Ключевые слова: буддийское изобразительное искусство; миниатюрная скульптура; образ монгольского воина XIII века; портрет Угэдэй-хана; тамги; шахматные фигурки

Для цитирования: Сыртыпова С.-Х. Д. Отражение исторической эпохи в миниатюрной скульптуре монгольских шахмат XIII века. *Ориенталистика*. 2018;1(2):209–236. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-2-209-236.

Reflection of the Historical Epoch in Miniature Sculpture of the 13th Century Mongolian Chess Figures

Surun-Khanda D. Syrtyпова

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, syrtyp@mail.ru

Abstract: the article is a continuation of the author's research on Mongolian chess from the mid 13th century published in *Orientalistica* 2018(1). It offers a description of the survived chess figures and dates them back to the reign of Hulagu Khan (1217–1265) or, more precisely to the time of his military campaign to the Middle East. The author argues that the chess were used for learning military tactics. The craftsmen who produced chess sets supplied the faces with the features of real kings. The Buddhist style of sculptures (chess figures) betrays that as a *noen* was presented Ogedei Khan (1186–1241), the monarch who built the capital of the Mongol Empire, Karakorum (Kharkhorin) in the valley of the Orkhon River.

Keywords: Buddhist art; chess figures; miniature sculpture; Mongolian warrior of the 13th century; Ogadai Khan, the image of

For citation: Syrtyпова S.-Kh. D. Reflection of the Historical Epoch in Miniature Sculpture of the 13th Century Mongolian Chess Figures. *Orientalistica*. 2018;1(2):209–236. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-2-209-236.

Методология исследования

В нашей статье [1] было показано, как трансформировался внешний облик и форма фигурок шахмат в зависимости от историко-культурных условий в странах и регионах, где эта игра была адаптирована. И самые древние экземпляры в мире, датируемые II–VII вв. н. э., и технологически совершенно новые образцы мировых шахмат, несут признаки своей эпохи и своей культурной среды, будучи изделиями мастеров определённой художественной традиции. Исследователи шахмат как предметов декоративно-прикладного искусства используют для определения времени их создания методы исторического и формального искусствоведческого анализа [2–7 и др.]. Подтверждением достоверности исторических гипотез служат типологически сходные археологические материалы, датируемые возрастом культурного слоя находки, а также аналоги из крупнейших музейных коллекций [6; 8–14].

Были использованы естественно-научные методы исследования для определения химического состава материалов, в частности, спектральный анализ позволил определить состав металлического сплава исследуемых фигурок. Помогающий определить возраст изделия радиоуглеродный анализ в нашем случае неприменим, так как для его использования необходимо наличие сохранного органического материала того же возраста, что и исследуемый предмет.

К истории происхождения предметов

Пять металлических миниатюрных скульптур (рис. 1), представляющих собой фигурки монгольских шахмат, хранились в течение более 700 лет в ингушском роде Хамзата Тархановича Гарданова из шахара / тукхума Цечой Ахке (ср. монг. *Цацу ах тухумын айл*).

Удивительный факт сохранности столь древних предметов объясняется многими историческими и этнографическими причинами.

1. Фигурки хранились в течение 19 поколений и передавались как фамильная святыня младшему из сыновей, последним из которых был Хамзат (1951–2016). Патриархальная традиция наследования семейного очага и ценностей, родительского дома младшими сыновьями сохраняется у ингушей до сих пор. Такая традиция наследования отчины младшим в семье принята и у монголов, согласно этому обычаю коренной улус Чингис-хана, территорию Монголии, наследовал ханский *отхон* (букв. – хранитель [родового] огня), т. е. младший сын Тулуй.

Рис. 1. Шахматные фигурки 1–5. Латунь. Литъё. Монголия, XIII в. Частная коллекция. Москва. Фото автора

Fig. 1. Chess figures 1–5 cast brass. Mongolia 13th cent. Private collection, Moscow

2. Род Хамзата Гарданова – тукхум Цечой Ахке ведёт свою линию преемственности со времён, когда территория современной Ингушетии входила в состав Великого Монгольского государства, а именно объединение алан в улусе старшего из сыновей Чингис-хана Джучи (1182–1227) (Золотая Орда)¹. В Средневековье предки ингушей, наряду с предками современных чеченцев, карачаевцев, балкарцев и осетин, входили в племенной союз алан. Алания и весь Северный Кавказ были завоёваны монголами и включены в состав улуса Джучи в 1238–1240 гг., то есть во время правления первого преемника Чингис-хана, его третьего сына Угэдэй-хана (1186–1241).

3. Северный Кавказ находился на стыке владений джучидов и хулагуидов². После смерти Мункэ-хана (1208–1259) территория отошла к веде-

¹ В 1395 г. объединение алан было уничтожено в ходе похода на Северный Кавказ Тамерлана; оставшееся население переселилось в горы, где и происходило формирование ингушского народа на основе пяти территориально-родовых обществ – шахаров (монг. аймак, айл, тухум). Вхождение ингушей в состав России началось в 1770 г. «Договором о единении основной части Ингушетии с Российским государством», завершилось в 1810 г. «Актом о единении Ингушетии с Россией». В 1924 г. образована Ингушская АО в составе РСФСР, в 1934 г. объединена с Чеченской АО в Чечено-Ингушскую АО, в 1936 г. преобразована в ЧИ АССР. В 1944 г. ингуши и чеченцы депортированы в Среднюю Азию и Казахстан, республика упразднена. В 1957 ЧИ АССР восстановлена, народ вернулся на свою территорию. В декабре 1992 г. Чечено-Ингушская Республика разделились на Ингушскую и Чеченскую Республики в составе РФ [16; 17].

² Джучиды – потомки и преемники власти Джучи; хулагуиды – потомки Хулагу-хана.

нию Хулагу-хана (1217–1265), младшего сына Чингис-хана. Кавказцы участвовали в походе монголов под предводительством Хулагу на Ближний Восток, в том числе и Аравию. Хулагу выдвинулся из Каракорума в 1253 г. и продвигался очень медленно, расширяя завоевания Западной Азии. Поход на Сирию он начал в сентябре 1259 года, уже наладив управление в захваченных областях [15, с. 17–92].

4. Первым владельцем данных шахмат был Хумейд мин Насибил Куреш, основатель родового древа; потомки помнили его как оставшегося в Аравии. Похоже, он был одним из участников похода монгольских объединённых войск на Ближний Восток. Очевидно, он должен был быть в 1253–1259 гг. не только фертильного, но и «призывного» возраста. Учитывая то, что в Средневековье шахматы были игрой царей и полководцев, Хумейд мин Насибил Куреш явно относился к правящей знати Золотой Орды. Нам ничего не известно о его дальнейшей судьбе, но, возможно, сведения обнаружатся в аравийских источниках. Наследник Хумейда, его сын Моаз, мог быть рождён как при отце, так и в год его отъезда, предположительно в 40–50-е годы XIII в.

5. Стиль изображения фигурок – монгольский буддийский. В течение долгих поколений это не вызывало религиозного отторжения у ингушей, поскольку до XIX в. они сохраняли древние языческие обычаи и обряды. Ислам, запретивший изображения живых существ, стал проникать к ингушам в XVI в. через чеченские и дагестанские земли; завершилась исламизация лишь во второй половине XIX в. Таким образом, последние полтора века наследие должно было храниться в строжайшей тайне от посторонних единоверцев.

6. Согласно свидетельству Хамзата, предметы считались обладающими магической защитной силой. Именно поэтому Тархан, отец Хамзата, сохранял их при себе даже в ссылке, когда ингушей депортировали по сталинскому указу в 1944 г. в Казахстан «за пособничество фашистам». По воспоминаниям Хамзата, родители хранили фигурки завёрнутыми в ткань и доставали в исключительных случаях; например, заболевшим детям давали немного поиграть фигурками, подержать их в руках, что должно было способствовать выздоровлению, затем их снова прятали³.

7. Функциональное и содержательное значение предметов было начисто забыто; фигурки хранились в семье Хамзата как древняя, драгоценная реликвия, члены семьи искренне полагали, что они золотые. За отсутствием наследников Хамзат незадолго до смерти сдал фигурки на хранение в Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Ингушетия (далее Фонд), где они значились как «золотые печати».

³ Сведения предоставлены Фондом возрождения памятников истории и культуры Республики Ингушетия по запросу автора статьи.

Линия передачи предметов в ингушской семье

При сдаче предметов на хранение в Фонд владелец сопроводил их родословным списком своей семьи, записанным им со слов родителей. Родословные списки передаются у ингушей устно от отцов к детям и заучиваются наизусть. Подобная традиция свойственна многим восточным народам, в том числе и монголам, которые и поныне сохраняют обычай держать в памяти имена предков, по меньшей мере, от семи колен⁴. Начинается отсчёт от Хумейд мин Насибил Куреша, который остался в Аравии, список содержал 18 колен, Хамзата 1959 года рождения и умершего 16 марта 2016 г. от инфаркта, мы вписали 19-м, так как он был последним *отхоном* своего родового древа:

- 1) Хумейд мин Насибил Куреш: Моаз
- 2) Моаз: один сын Нарт
- 3) Нарт: Бур, Хамг, Урузби, Батиг, Сескат
- 4) Бур: Борг, Чупи
- 5) Борг: Цечо
- 6) Цечо: Цехк
- 7) Цехк: Илдер
- 8) Илдер: Бок, Бей, Хард
- 9) Хард: Хаздар
- 10) Хаздар: Кастымыр
- 11) Кастымыр: Бекбот
- 12) Бекбот: Гулмут
- 13) Гулмут: Алхаст
- 14) Алхаст: Кубатор
- 15) Кубатор: Абдул-Азим
- 16) Абдул-Азим: Илез
- 17) Илез: Тархан
- 18) Тархан: Ахмед-хан, Магомед-хан, Темерлан, Хамзат,
- 19) Хамзат: нет детей.

Описание шахматных фигурок

Миниатюрные скульптурки отлиты из многокомпонентного сплава на основе меди, её высокое содержание со значительной примесью цинка позволяет определить сплав как латунь. Процентное содержание меди, цинка, железа, свинца, олова, никеля, в двух из пяти фигурок также марганца, в каждом из предметов различно. Это отражается на цвете фигурок – все они имеют разные оттенки. Фигурки животных – два верблюда и два коня, не идентичны, несколько отличаются по размеру, оформлению, цвету и весу (табл. 1).

⁴ Персидский историк XIV в. Рашид ад-Дин об этом обычае писал, что у монголов принято хранить родословие предков и учить знанию родословия каждого появившегося на свет ребёнка, «и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени и происхождения» [18, т. I, гл. 4, р. 2].

Таблица 1

Состав сплава в фигурках по результатам спектрального анализа⁵

Элемент (%) / предмет	1. Хулэг конь (конь)	2. Гуун кобыла (конь)	3. Буур верблюд (слон)	4. Инген верблюдица (слон)	5. Ноён (король)
Вес (грамм)	61	51	55	49	144
Cu медь	68,45 ±0,13	62,46 ±0,09	67,83 ±0,11	64,88 ±0,13	71,54 ±0,09
Zn цинк	29,14 ±0,12	35,83 ±0,09	29,63 ±0,10	32,99 ±0,13	26,17 ±0,09
Fe железо	1,14 ±0,03	0,32 ±0,01	1,00 ±0,02	0,85 ±0,03	0,96 ±0,02
Pb свинец	0,50 ±0,03	0,89 ±0,03	0,81 ±0,03	0,81 0,04	0,50 ±0,02
Sn олово	0,38 ±0,03	–	0,33 ±0,02	–	0,47 ±0,02
Ni никель	0,40 ±0,02	0,42 ±0,01	0,37 ±0,01	0,40 ±0,02	0,35 ±0,01
Mn марганец	–	0,068 ±0,08	0,025 ±0,08	0,07 ±0,01	–

Все фигурки имеют сходные, но не идентичные постаменты прямоугольной формы с углублением на дне. Это делает их похожими на традиционные для Востока набалдашники печатей, что послужило причиной ошибочной трактовки поздних владельцев, принимавших фигурки за древние печати. благородный золотистый цвет высококачественной латуни (не зря этот сплав древние римляне называли златомедью) также давал повод считать, что предметы отлиты из драгоценного металла. Характерная продольная полоска на скульптурках, разделяющая их на две половинки, свидетельствует об использовании древней технологии литья с разъёмных земляных форм, в которых делался оттиск деревянной матрицей.

Художественная общность моделировки, форма и размер скульптурок, высота которых составляет от 3,8 до 5,2 см, соответствует традиционной форме монгольских шахмат (монг. *шатар*), хорошо известных по образцам монгольских, тувинских, бурятских изделий в коллекциях многих музеев России, Монголии, Китая и других стран. Большинство известных шахматных наборов относятся к периоду XX в., реже XIX в. Более древние экземпляры являются исключительной редкостью. Монгольских шахмат эпохи Великой Монгольской империи (монг. *Их монгол гурэн*) до сих пор не было обнаружено, хотя в письменных и изобразительных источниках есть свидетельства о том, что средневековые монголы играли в шахматы.

Эта игра глубоко укоренилась среди монгольских народов многие века назад и сохраняет свою популярность поныне. Изготовление шахматных фигурок было одним из распространённых видов художественного ремесла, чаще всего это были резные деревянные, костяные, реже каменные или металлические изделия. В представленных вниманию читателя предметах особенно колоритный характер монгольской народной скульптуры имеют изображения лошадей и верблюдов, традиционных пастбищных животных Монголии.

⁵ ID test в Yveliroff.ru от 12.02.2018 г.

Фигура 1 – конь (монг. морь, хулэг). Шахматная фигурка «конь»

Латунь, литьё. Вес 61 гр. Высота 38 мм. Постамент 8x27x14 мм.

Скульптурка изображает монгольского коня, коренастого, крепкого, с короткими ногами и большой головой. Голова повернута вправо, уши стоят торчком, огромные глаза обозначены вырезанными кружками (рис. 2.1). Мохнатая длинная грива заброшена на левую сторону и свисает ниже колен (рис. 2.2). Круп круглый, спина широкая, хвост пушистый, длинный, достигает копыт (рис. 2.4). На гриве и хвосте выбит рисунок ёлочкой, так выглядят заплетённые волосы лошадей (монг. хулэг), участвующих в скачках (рис. 2.2, 2.4). Постамент четырёхугольный, в доньшке есть углубление (рис. 2.3); украшен плоскими, широкими лепестками лотоса, как лotosовый трон буддийских божеств.

Скульптор замечательно реалистично передаёт характер монгольской лошади, выносливой, неприхотливой, умной и надёжной помощницы кочевника. В наклоне головы мастерски изображено её послушание хозяину и готовность ко всем суровым поворотам жизни.

Рис. 2.1. Фигурка 1, конь. Вид справа
Fig. 2.1. Horse right view

Рис. 2.2. Фигурка 1, конь. Вид слева
Fig. 2.2. Horse left view

Рис. 2.3. Фигурка 1, конь. Вид снизу, доньшко постамент
Fig. 2.3. Horse, bottom view (base)

Рис. 2.4. Фигурка 1, конь. Вид сзади. Заплетённый хвост
Fig. 2.4. Horse, view from behind (plaited tail)

Фигура 2 – лошадь (монг. морь, гуу). Шахматная фигурка «конь»

Латунь, литьё. Вес 51 гр. Высота 9 мм. Постамент 5x24x14 мм.

Вторая фигурка – также изображение коренастой, крепкой, с короткими ногами и большой головой монгольской лошади. Голова повернута вправо, уши прижаты, глаза обозначены большими вырезанными кружками. Мохнатая длинная грива свисает на левой стороне ниже колен лошади (рис. 3.2). Круп круглый, спина широкая, хвост пушистый, длинный, свисает до копыт (рис. 3.4). На гриве и хвосте выбиты полосы, имитирующие конский волос. Фигурка выглядит немного тоньше, чем предыдущая, вероятно, изображена кобылица. Цвет сплава золотистый (содержит 35,83 % цинка, больше, чем все остальные фигурки, см. табл. 1).

Скульптор замечательно передаёт характер монгольской лошади, скромного, выносливого, умного и надёжного друга кочевника. В наклоне головы мастерски изображено её послушание хозяину и готовность ко всем суровым поворотам кочевнической жизни. Постамент четырёхугольный, с углублением доньшка, украшен плоскими, широкими лепестками лотоса, как лotosовый трон буддийских божеств (рис. 3.1, 3.2).

Рис. 3.1. Фигурка 2, лошадь. Вид справа
Fig. 3.1. Horse. Right view

Рис. 3.2. Фигурка 2, лошадь. Вид слева
Fig. 3.2. Horse. Left view

Рис. 3.3. Фигурка 2, лошадь. Доньшко постамент
Fig. 3.3. Horse. Bottom view (base)

Рис. 3.4. Фигурка 2, лошадь. Вид сзади
Fig. 3.4. Horse. View from behind

Фигурка 3 – верблюд (монг. тэмээн, буур). Шахматная фигурка «слон»

Латунь, литъё. Вес 55 гр. Высота 42 мм. Постамент 7x20x17 мм.

В Монголии шахматная фигурка слона превратилась в верблюда не случайно. Верблюды, так же как слоны в Древней Индии, в аридных зонах использовались как боевые животные. Фигурка 3 представляет собой двугорбого верблюда бактриана (лат. *Camelus bactrianus*). Монгольские резчики парные шахматные фигурки изображают обычно как самца и самку. Очевидно, что это самец (монг. *буур*), с задранной вверх мордой и открытой пастью, он ревет, угрожая соперникам, и созывает самок, распространяя свои феромоны поднятым хвостом с пушистой метелкой на конце (рис. 4.1; 4.2; 4.4). Передние и задние ноги сведены вместе, он как бы слегка отклонился на задние конечности. Подобную стойку можно наблюдать во многих экземплярах шахматных фигурок более позднего времени. У верблюда густая, высокая грива, мощный шерстяной подгрудок, два горба толстые и высокие с густой опушкой, мохнатые шаровары на передних ногах. Изображение динамичное, очень реалистичное. Прекрасно отражены дикие повадки сильного самца.

Постамент четырёхугольный, украшен плоскими, широкими лепестками лотоса, как лотосовый трон буддийских божеств. Донышко имеет углубление по форме постамента (рис. 4.3).

Рис. 4.1. Фигурка 3, верблюд самец (*буур*).
Вид слева

Fig. 4.1. Male camel (*buur*). Left view

Рис. 4.2. Фигурка 3, верблюд самец.
Вид справа

Fig. 4.2. Male camel (*buur*). Right view

Рис. 4.3. Фигурка 3, верблюд самец.
Вид снизу, донышко постамента
Fig. 4.3. Male camel. Bottom view (base)

Рис. 4.4. Фигурка 3, верблюд самец.
Вид сзади
Fig. 4.4. Male camel. View from behind

Фигура 4 – верблюдица (монг. тэмээн, ингэн). Шахматная фигурка «слон»

Латунь, литъё. Вес 49 гр. Высота 38 мм. Постамент 8x20x15 мм.

Вторая фигурка шахматного «слона» также изображается в форме двугорбого верблюда (лат. *Camelus bactrianus*). По сравнению с первым верблюдом она несколько меньше по размеру и имеет более тонкую конституцию, вероятно, это верблюдица (монг. *ингэн*). У верблюдицы меньше шерстяной покров, грива и шаровары, нежели у фигурки самца (рис. 5.1; 5.2). Тело более тонкое, цвет металлического сплава имеет красноватый оттенок, благодаря большей примеси цинка (почти 33%, см. табл. 1). Верблюдица изображена стоящей ровно, спокойно, с горделиво поднятой головой, четыре ноги стоят прямо, хвост поднят вверх, прижат сзади к высокому горбу (рис. 5.3).

Постамент четырёхугольный, с углублением доньшка, украшен плоскими, широкими лепестками лотоса, как лотосовый трон буддийских божеств (рис. 5.4).

Рис. 5.1. Фигурка 4, верблюдица (ингэн).
Вид слева $\frac{3}{4}$
Fig. 5.1. Female camel (ingen). Left view (3/4).

Рис. 5.2. Фигурка 4, верблюдица.
Вид справа
Fig. 5.2. Female camel. Right view.

Рис. 5.3. Фигурка 4, верблюдица. Вид сзади
Fig. 5.3. Female camel. View from behind

Рис. 5.4. Фигурка 4, верблюдица.
Вид снизу, доньшко постамента
Fig. 5.4. Female camel. Bottom view (base)

Фигура 5. Ноён. Шахматная фигурка «король»

Цельное литьё. Латунь. Вес 144 гр. Высота 52 мм.

Постамент прямоугольный 27х23 мм. Ширина спинки трона 35 мм.

Дно с углублением в виде двускатного конуса глубиной 20 мм.

И наконец, шахматная фигурка «король» изображает монгольского воина, сидящего на троне с высокой спинкой, в средневековом боевом облачении, но без оружия. Мужчина зрелого возраста, с густыми усами, ярко выраженными монгольскими физиогномическими и антропологическими чертами, сидит со скрещёнными ногами. Спереди виден загнутый носок монгольских сапог, в которые он обут (рис. 6.1). Голова воина слегка выдвинута вперёд, как часто можно наблюдать у шахматных *ноёнов*. На голове шлем с рельефными ободами, высоким пышным плюмажем и бармицей, прикрывающей шею и плечи сзади (рис. 6.2). Лобная часть шлема украшена круглым значком на рельефе в форме диадемы (монг. *нуман товгор*)⁶.

У него широкое лицо с высокими скулами, крупными чертами, круглый нос с низкой переносицей. Глубокие носогубные складки свидетельствуют о немолодом возрасте. Голова слегка наклонена вперёд, взгляд полуопущен (рис. 6.2; 6.3). Весь его вид выражает глубокую погружённость в нелёгкие думы. Строгая симметричная композиция, постамент, напоминающий буддийский трон, поза отдыхающего царя (санскр. *radjāsana*) создают облик, похожий на Будду, и, хотя боевые доспехи напоминают о ратных подвигах воина на поле брани, он изображён без оружия.

Фигура изображает человека крепкого телосложения, коренастого, невысокого роста, но физически сильного, закалённого в боевых походах, со стойким мужественным характером. Руки лежат на коленях в замке, левая ладонь покрывает правый кулак. Доспехи средневекового монгольского воина изображены реалистично и выразительно, они соответствуют показаниям археологических и искусствоведческих исследований учёных [19].

Рис. 6.1. Фигурка 5, ноён. Вид спереди

Fig. 6.1. The noen. Front view

⁶ Описание облачения дано в терминологии М. В. Горелика [19].

Рис. 6.2. Фигурка 5, ноён. Фрагмент. Вид головы слева, бармица украшена тремя косыми крестами

Fig. 6.2. The noen. A fragment. The Head as seen from the left. The aventail is decorated with three “St. Andrew Crosses”

Рис. 6.3. Фигурка 5, ноён. Фрагмент. Лицо воина испещрено морщинами, он погружён в нелёгкие думы

Fig. 6.3. The noen. A fragment. The warrior’s face has deep wrinkles. Apparently he is overwhelmed with thoughts

Тело защищено кольчугой (монг. хуяг), прямоугольные, поперечные пластины которой чётко выделены спереди, на животе. Грудь и плечи покрыты 4-лепестковой пелериной-горжетом (монг. цээжэвч). Руки от кистей до локтей защищены наручами. На бармице и наручах высечен узор из косых крестов (рис. 6.7; 6.8). Круглый значок, такой же как на шлеме, обозначен спереди на горжете и на наручах (рис. 6.7; 6.8).

Рис. 6.4. Фигурка 5, ноён. Фрагмент. Доспехи средневекового монгольского воина

Fig. 6.4. The noen. The armour of the medieval Mongolian Knight

На изображении скульптурки сбоку виден плащ, наброшенный на плечи воина и свисающий крупными драпировками, так обычно в буддийской скульптуре изображаются мантии лам (рис. 6.5; 6.6; 6.8).

Постамент, трон короля, выполнен на восточный манер, без ножек, оформлен как буддийский трон-лотос с широкими плоскими лепестками, обращёнными вниз; на сиденье спереди просматриваются слои подушек (монг. олбог). Спинка трона имеет форму, характерную для буддийских портативных киотов (монг. гуу). Она вытянута в цен-

тральной части под форму пяти лепестков, традиционно это делалось в подражание листу священного дерева Бодхи. Такая форма тронов у буддийских божеств создаёт визуальный ореол вокруг тела, передающий его сияние, ауру (санскр. *prahamandala*). Происхождение данной конфигурации восходит к архитектурным формам ворот древнеиндийских храмов, от которых открывался вид на изображение божества в алтарном центре зала (рис. 6.9).

Рис. 6.5. Фигурка 1, ноён. Вид справа ¾
Fig. 6.5. The noen. Right view

Рис. 6.6. Фигурка 1, ноён. Вид слева
Fig. 6.6. The noen. Left view

Рис. 6.7. Фигурка 5, ноён. Вид сверху
Fig. 6.7. The noen. View from above

Рис. 6.8. Фигурка 5, ноён. Вид слева ¾
Fig. 6.8. The noen. Left view

Нижняя часть скульптуры частично полая, благодаря чему видна цельность литья фигурки вместе с постаментом, а ровные внутренние стенки являются показателем высокого литейного качества (рис. 6.10).

На спинке трона с тыльной стороны отпечатан рельеф знамени монголов, бунчука из конского волоса с трезубцем на вершине (рис. 6.9). Бунчужное знамя имеет чрезвычайно важное значение в истории монго-

лов эпохи Чингис-хана, оно стало символом духа великого правителя и монгольской государственности, поэтому имеет смысл рассмотреть вопрос подробно. У монголов есть два бунчужных штандарта – чёрный и белый. Какое из них изображено за спиной шахматного *ноёна*?

Рис. 6.9. Фигурка 1, ноён. Вид сзади. Спинка трона сделана в форме листа священного дерева Бодхи. На тыльной стороне спинки изображён бунчук – монгольский штандарт мирного времени

Fig. 6.9. The noen. View from behind. The back of a throne is formed after the leaf of the holy tree Bodhi. On the inner part of the back a bunchuk the Mongolian standard used in the time of peace is clearly visible

Рис. 6.10. Фигурка 1, ноён. Вид снизу. Глубокая полость внутри скульптуры говорит о цельном литье фигурки

Fig. 6.10. The noen. The deep cavity betrays the solid casting of this figure

Война и мир в символике монгольского знамени

Самыми древними на земле знамёнами служили шкуры зверей, и истоки возникновения знамён и флагов кроются в древних охотничьих обычаях подносить шкуры добытых животных духам природы, хозяевам земли и небес. С возникновением неравенства и войн знамёна использовались как знаки различия и символы общности социальных единиц⁷. Бунчуки из конского волоса являются одними из древнейших форм боевых штандартов.

Об огромном значении великого чёрного четырёхбунчужного знамени в победоносных завоеваниях Чингис-хана (1162–1227) говорится в письменных источниках и устной традиции монголов. Свириное чёр-

⁷ Так, хоругви с ленточками воспроизводят цельные шкуры с лапками и хвостами, которые подвешивались на деревья в качестве дара охотника за милость природы. Позднее стала практиковаться замена шкур тканевыми платками и лентами, а при отсутствии оных использовались волосы из гривы или хвоста коня. Охота на животных типологически сходна с внутривидовой битвой за добычу и ресурсы, коими являются все войны. Боевые знамёна появились как знаки различия войсковых соединений и несли в себе двойную функцию – различения-единения войск и жертвоприношения-поклонения высшим силам во спасение и победу на войне. Более подробная аргументация дана в статье автора [21].

Рис. 7.1. Знаменосец держит чёрное знамя (Хар сулд). Фрагмент миниатюры «Хулагу (1217–1265) со своей армией» из Джамит-Таварих, нач. XIV в. Источник: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/>

Fig. 7.1. The standard bearer holds the black flag (Har Suld). Fragment of the miniature “Hulagu (1217–1265) and his army” taken from the “Gami` at-Tavarikh” (beg. 14th cent.) Taken from: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/>

значение острия меча на знамени войны вполне соответствует древним традициям кочевников, что было зафиксировано о. Иакинфом (Бичуриным): «Известно, что мечу поклонялись скифы и приносили ему жертвоприношения как воплощению бога войны. Культ меча присущ и северным хунну [22, с. 94].

Изображение средневекового знамени монголов есть в иллюстрациях к «Джами ат-таварих»: Хулагу-хан со своей армией, где есть знаменосец с бунчуком (рис. 7.1) и осада города монголами с использованием каменётной башни.

ное знамя (монг. *догшин хар туг*) выступало символом чёрного духа, великого гения-хранителя (монг. *сулд*) войны. В тексте «Сокровенного сказания монголов» 1240 г. чёрное знамя (монг. *Их хар сулд*) упоминается в связи с молитвой Чингис-хана Вечному Синему Небу о свершении священной мести за коварное убийство его отца Есугэй-багатура, с ритуалами 1202 и 1204 гг. перед началом его сокрушительных побед, описанием ритуала жертвенного кропления, проведённого Жамухой, побратимом Чингиса [20, §§ 106, 170, 181, 149].

Чёрный четырёхбунчужный штандарт состоит из большого центрального бунчука, которое всегда хранится на родине, и четырёх штандартов-послов, так называемых «ног», которые могут сопровождать войско в походах, хранят воинов, преумножая и распространяя их удаль в четырёх сторонах света. Навершием флага служит плоское острие, закреплённое на серебряной сфере в форме монгольской юрты (рис. 7.2). Острие на знамени символизирует единство воинского братства, его концентрацию на достижении цели. Сакральное

Рис. 7.2. Чёрное знамя.

Современная реконструкция

Fig. 7.2. The black flag (modern reconstruction)

Исследованию культа чёрного знамени монгольские авторы Эрдэнэбат и Мягмарсамбуу посвятили целую монографию, в которой есть подробные описания технологии его изготовления и символики. Древко крепится на круге со сферой в центре, дерево для него добывалось в лесах священных гор. На круге делается 81 отверстие, куда продевается и закрепляется конский волос. Число 81 есть 9-кратное количество сакрального множества 9. Девятка самое большое однозначное число, оно означает всеохватность и полноту. Вертикальное древко означает связь земли и небес, дарующих свою защиту воинам. Для изготовления бунчука собирают волосы из грив 1000 лучших жеребцов вороной масти со всех уголков страны. Ритуал почитания чёрного знамени проводят в 9, 19, и 29 лунные сутки, дни божества войны. Всё это должно наделять чёрный штандарт сверхъестественной мощью и энергией победы [23; 24, х. 22–29]. Ритуал поклонения боевому знамени являлся общевойсковым, включал в себя кроме жертвенных подношений также построение, проверку готовности оружия, лошадей, снаряжения, согласование действий всех подразделений с помощью переклички, речёвок, барабанных ритмов и т. п. Форма, цвет, числовые значения элементов чёрного штандарта символизируют силу, единство, отвагу воинов [24, х. 69–71].

Рис. 8.1. Провозглашение Чингиса великим хаганом на курултае в 1206 г. Миниатюра в тебризской рукописи «Джами ат-таварих». Нач. XIV в.

Fig. 8.1. The Chinghis is proclaimed the Great Khan on the Kurultai in 1206. A miniature from the Tabriz manuscript "Gami' at-Tawarikh". Early XIV century

Белый штандарт является знаменем мирного времени и «белых» свершений. В «Сокровенном сказании» говорится: «в год барса состоялся сейм и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и Темуджина нарекли Чингис-ханом» [20, § 202]. Это событие 1206 г. нашло отражение в иллюстрациях к «Джами ат-таварих» (рис. 8.1; 8.2). Хотя на персидской миниатюре белое знамя изображено не полностью и несколько похоже на опахало, так как наклонено в сторону владыки, но форма бунчука прорисована очень чётко.

Китайский источник «Мэн-да бэй-лу» по поводу знамён у монголов сообщает

следующее: «Что касается [личной] церемониальной гвардии при Чингисе, то [в ставке Чингис-хана] водружается большое совершенно белое знамя как [знак] отличия. Кроме этого, нет никаких других бунчуков и хоругвей. Только зонт также делается из красной или жёлтой [ткани]» и далее: «Ныне у гова на водружают только одно белое знамя с девятью хвостами. Посередине [знамени] имеется чёрное [изображение] луны. Когда выступают с войсками, то разворачивают его» [25, л. 16а]. Это свидетельство очевидца событий, датированное 1220–1221 г.⁸

Судя по рисункам тебризских художников, которые довольно точно отображали реальные исторические предметы, форма белого и чёрного знамён была до какого-то периода времени одинакова, они были увенчаны остриями мечей, но отличались цветом и количеством бунчуков. Современная реконструкция белого штандарта отличается не только цветом и количеством бунчуков, но и конструктивными элементами⁹. Белое 9-ножное знамя увенчивается трезубцем, три язычка которого тракуются как знаки огня, процветания и благоденствия государства. По мнению Мягмарсамбуу, само белое знамя является поздней трансформацией первоначального великого чёрного 4-бунчужного знамени под влиянием буддийского предпочтения белого цвета, а появление трезубца он ассоциирует с тантрическим божеством Махакалой, одним из атрибутов которого является трезубец, символ Трёх буддийских драгоценностей – Будды, Дхармы и Сангхи. Ссылаясь на монгольские архивные источники 1874 г., автор говорит, что чёрное знамя называли знаменем Махакалы со времён принятия Хубилай-ханом буддизма (в традиции школы *сакья*), в которой Махакала является главным хранителем учения [24, с. 61–64].

Белое знамя (монг. *Ёсон хулт цагаан сулд*, букв. – Девятиножный белый дух) состоит из главного в центре и восьми малых по сторонам

Рис. 8.2. Белое знамя изображено такой же формы, как чёрное знамя. Миниатюра в тебризской рукописи «Джами ат-таварих». Фрагмент. Нач. XIV в.

Fig. 8.2. The form of the white flag is identical to the form of the black flag. A miniature from the Tabriz manuscript "Gami` at-Tawarikh". Fragment. Early XIV century

⁸ Чжао Хун был послом, ездившим к монголам с миссией от южносунского императора. Отчёт о путешествии под названием «Полное описание монголо-татар» является самым ранним из известных на сегодня сочинением, посвящённым монголам [25].

⁹ После демократических реформ 90-х годов XX в. многие традиции древней монгольской государственности были возрождены, в частности почитание знамён: *Их хар сулд* стало общевойсковым знаменем и главным символом вооружённых сил страны. Красочный ритуал государственного поклонения военному флагу проводится ежегодно с участием президента Монголии. Белое девятиножное знамя присутствует на торжественных праздничных событиях национального значения – инаугурации президента страны, церемонии открытия национального празднования Наадама и т. д.

так называемых «послов» или «ног». В процессе его изготовления также участвовало всё население, волосы для бунчуков поставлялись из грив лучших белых скакунов со всех уголков страны. Цветовая символика белого цвета и символика числа 9 говорят о светлых деяниях, мирном и совершенном благоденствии, радостном единении народа (рис. 9.1; 9.2).

Итак, белое девятибунчужное знамя выступает знаком присутствия верховного правителя монгольского государства. Во время жизни Чингис-хана наверху знамён и чёрного, и белого служило острие меча, само знамя было сакральным символом духа правителя. После кончины Чингис-хана восемь главных реликвий, ассоциированных с основателем империи, стали храниться в «восьми белых юртах», вокруг которых возникла сложная культовая система. Первой из реликвий значилось знамя Чингис-хана. Судя по всему, изменение наверху у белого знамени произошло в период правления ближайших потомков Чингиса. Есть основания предполагать, что это произошло ещё до утверждения знамени Махакалы Хубилай-ханом, занявшим престол великого хана в 1259 г. Велика вероятность, что это произошло в годы правления Мункэ-хана (1251–1259). Мункэ Знак трезубца был тамгой-печатью Мункэ-хана и его влиятельнейшего сына – Хулагу-хана, потомков Тулуя, наследников

Рис. 9.1. Белое девятиножное знамя в Доме правительства Монголии, Белый зал. Фото автора, июль 2017 г.

Fig. 9.1. The white flag with “nine legs” in the Mongolian Government House. The White Hall (photo by the author, July 2017)

Рис. 9.2. Белое девятиножное знамя в сомонном центре Хэнтэйского аймака. Фото автора, август 2017 г.

Fig. 9.2. The white flag with “nine legs” in the somon centre of the аймаq of Hentei. (photo by the author, August 2017)

Рис. 9.3. Знаки родовой тамги в преемственности Тулуя (1192–1232), наследника отчины Чингис-хана. Стенд в музее Правительства Монголии. Фото автора, 2017 г.

Fig. 9.3. Sigilla of the ancestral tamga of Tuluу (1192–1232), the heir of Chinguis Khan. Museum of Mongolian Government. (photo by the author)

коренного улуса Чингиса (рис. 9.3). Трезубец со скруглёнными боковыми зубцами известен по монетам Ильханата (1256–1335), государства хулагуидов на Ближнем Востоке [26, pp. 66–67].

Для нас чрезвычайно важно, что трезубец был тамгой Хулагу-хана, один из вероятных полководцев которого был первым владельцем описываемых нами монгольских шахмат, обнаруженных на Северном Кавказе, где на главной фигурке присутствует древнее монгольское знамя со знаком трезубца на вершине.

Портрет Угэдэй-хана, или Почему шахматный ноён не может быть Хулагу-ханом

Перед тем как изложить аргументы по идентификации образа монгольского хана в латунной шахматной скульптурке, вернёмся ещё раз к теме шахматных изделий. В качестве серьёзного довода в пользу гипотезы о портретном образе исторического лица в шахматной скульптурке может служить европейский аналог синхронного исторического периода. Как уже говорилось в статье [1], совершенно удивительную образность шахматные фигурки имели в странах с морским доступом, в частности в Скандинавии, Германии, Русском Севере. Стилистически очень к ним близки многочисленные шахматные фигурки из слоновой кости или моржового клыка, датируемые XII–XIV вв. Шахматный король из коллекции Роберта фон Хирша в Энгельгассе идентифицируется учёными как портрет Фридриха II Гогенштауфена (нем. Friedrich II von Hohenstaufen, 1194–1250), короля Германии, императора Священной Римской империи, короля Сицилии (рис. 10.1; 10.2). Основанием для такого предположения послужило сравнительное изучение готической скульптуры средневековых храмов Кёльна, Страсбурга, известные портреты короля Фридриха II, а также стилистическое однообразие костяных шахматных фигурок, хранящихся в Британском музее, музее Виктории и Альберта в Лондоне, в Берлинском государственном музее, в Эрмитаже (Санкт-Петербург), в музее Метрополитен (Нью-Йорк). Идея была подсказана живописным рисунком Фридриха II в его собственной книге «Об искусстве охоты с птицами», где

Рис. 10.1. Шахматная фигурка короля Фридриха II. Резьба. Моржовый клык. 7,2 см. Германия, 1300–1320. Каталог Сотбис 2016

Fig. 10.1. Kaiser Friedrich II (Staufer). Carving. Walrus tusk. 7.2 cm. Germany 1300–1320. Sotheby's 2016

Рис. 10.2. Фридрих II со своим соколом. Миниатюра. «Об охоте с птицами». XIII в. Ватиканская апостольская библиотека

Fig. 10.2. Kaiser Friedrich II with his falcon. From the MS "De arte venandi cum avibus" from The the Bibliotheca apostolica vaticana

ми, суждением, рассудительностью, твёрдостью, степенностью, великодушием и справедливостью, однако любил наслаждения и пил вино» [27, т. II, ч. 1]. Именно Угэдэя Чингис-хан считал наиболее мудрым и рассудительным из своих сыновей, упомянутый источник передаёт его завещание: «Дело престола и царства – дело трудное, пусть [им] ведаёт Угэдэй, а всем, что составляет юрт, дом, имущество, казну и войско, которые я собрал, – пусть ведаёт Тулуй».

Именно Угэдэю принадлежит заслуга монументального градостроительства, развития регулярной почтовой службы (только до Китая было устроено 37 ямов, т. е. почтовых станций), создания целой сети колодезного водоснабжения в засушливых степях Монголии. Несмотря на то что в годы его правления монголы активно и успешно расширяли границы государства за счёт новых завоеваний, сам великий правитель никогда не участвовал в боевых действи-

он изображён с соколом (Фридрих II был заядлым охотником соколятником) [11].

Хотя на спинке трона скульптурки отпечатан знак Хулагу-хана, сам скульптурный образ не может быть ассоциирован с завоевателем Ближнего Востока и основателем Ильханата хулагуидов в мусульманском Иране. Во-первых, сохранились их портреты, во-вторых, Хулагу, всю жизнь проведший в боях, не мог быть изображён в буддизированном облике созерцающего, невооружённого воина. Индивидуализированные черты лица в скульптурке имеют портретное сходство с Угэдэй-ханом, третьим сыном Чингис-хана. Облик Угэдэй-хана известен по живописному портрету из императорского собрания Китая (рис. 11). Скульптура хорошо передаёт и внутреннюю суть, характер своего героя. В персидском историческом сочинении «Джами ат-Таварих», известном на русском языке как «Сборник летописей» Фазлаллаха Рашид-ад-Дина, говорится, что Угэдэй «был известен... умом, способностями,

Рис. 11. Угэдэй-хан. Живопись на шёлке. 47 x 59.4 см. Императорский музей, Тайбей

Fig. 11. Ogadai Khan. Painting on silk. 47 x 59.4. The Imperial museum. Taipei https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ogadai_Khan.jpg

ях. По свидетельству Рашид ад-Дина, он постоянно направлял «благословенные помыслы на благое дело правосудия и милосердия, на устранение несправедливости и вражды, на благоустройство городов и областей и возведение разного рода зданий», стремился к «миродержавию и возведению фундамента процветания», привёз с собой из Китая разных ремесленников и мастеров всяких ремёсел и искусств, и «приказал построить в Каракоруме, где он по большей части в благополучии пребывал, дворец с очень высоким основанием и колоннами, как и приличествует высоким помыслам такого государя. Каждая сторона того дворца была длиною в полет стрелы». В центре города был возведён «величественный и высокий дворец, украшенный наилучшим образом, разрисованный живописью и изображениями». Сообщается также о золотых и серебряных настольных скульптурках разных животных – слона, тигра, лошади и других [27, том II, ч. 2].

Подробное описание Каракорума было представлено послом французского короля Людовика IX Гильомом де Рубруком в его докладе¹⁰. Он сообщает, что «в городе находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города» [28, гл. 44]. Миссионер говорит о наличии разных идолопоклоннических, т. е. буддийских храмов в Каракоруме, где службу ведут жрецы, которые хранят целомудрие, бреют голову, носят жёлтые одежды и живут общинами по сто или двести человек. Среди них он отмечает югуров (т. е. уйгуров) в качестве отдельной секты, вероятно, видя их отличие от тибетцев. Рубрук описывает события 1253 г., когда престол в Каракоруме уже второй год занимал Мункэ-хан, умерший в 1259 г., но понятно, что эти храмы были построены при Угэдэй-хане. О преобладающем влиянии уйгурской буддийской культуры свидетельствуют материалы археологических раскопок Каракорума в культурном слое XIII–XIV вв. Остатки стеной росписи и глиняных скульптур откровенно уйгурского стиля – это редкие обнаруженные буд-

¹⁰ Вильгельм Бушьё, мастер из Парижа, «сделал для хана большое серебряное дерево, у корней которого находились четыре серебряных льва, имевших внутри трубу, причём все они изрыгали белое кобылье молоко. И внутри дерева проведены были четыре трубы вплоть до его верхушки; отверстия этих труб были обращены вниз, и каждое из них сделано было в виде пасти позолоченной змеи, хвосты которых обвивали ствол дерева. Из одной из этих труб лилось вино, из другой – каракосмос, то есть очищенное кобылье молоко, из третьей – бал, то есть напиток из меду, из четвертой – рисовое пиво, именуемое террацина. Для принятия всякого напитка устроен был у подножия дерева между четырьмя трубами особый серебряный сосуд. На самом верху сделал Вильгельм ангела, державшего трубу, а под деревом устроил подземную пещеру, в которой мог спрятаться человек. Через сердцевину дерева вплоть до ангела поднималась труба. И сначала он устроил раздувательные мехи, но они не давали достаточно ветру. Вне дворца находился подвал, в котором были спрятаны напитки, и там стояли прислужники, готовые потчевать, когда они услышат звук трубы ангела. А на дереве ветки, листья и груши были серебряные [28, гл. 44].

дийские памятники юаньской эпохи в Монголии¹¹. С археологическими данными согласуются и лингвистические. Б. Я. Владимирцов справедливо предполагал сохранение согдийско-уйгурского культурного пласта в буддийской лексике монголов: «согдийские заимствования проникли к монголам, очевидно, в раннюю эпоху, в период культурного влияния уйгуров, продолжавшегося, быть может, до половины XIV в.; и вот, хотя монголы после падения Юаньской династии потеряли многое из культурных приобретений времен Чингис-хана и Монгольской империи, хотя они в значительной степени и оставили буддизм, начавший распространяться среди них, тем не менее, когда в XVI в. началась у них пора буддийского ренессанса под влиянием руководства Тибета, некогда заимствованные буддийские согдийские термины опять воскресают для новой жизни [30, с. 125].

Рашид ад-Дин, отмечая пагубное пристрастие хана к алкоголю и развлечениям, вновь и вновь говорит о добродетельности Угэдэя, его щедрости, миролюбии и веротерпимости, приводит более полусотни историй о его благодеяниях по отношению к простым людям, беднякам, среди которых очень много мусульман. Закончив-таки пиры и развлечения, правитель занимается «устройством важных дел государства и войска», в частности, «исправлением дел в странах, где ещё буйствуют бунтовщики, рассылает ярлыки во все концы государства о том, чтобы ни одно создание не причиняло обиды другому, чтобы сильный не испытывал на слабом [своей] силы и [ничего у него] не отнимал. И люди успокоились, и распространилась молва о его справедливости» [27, ч. 2]. Приведённые персидскими летописцами сюжеты свидетельствуют о веротерпимости Угэдэя, равном отношении к подданным, исповедующим разные религии. Прямых указаний на то, что правитель был буддистом, нет, но сказано, что в конце лета он соблюдал 40-дневный религиозный пост¹², и постоянно подчёркивается его милосердное отношение к мусульманам. Не случайно официальное принятие буддизма правящим монгольским двором произошло по инициативе его сына Годан-хана (1206–1251) в период сотрудничества того с Сакья-пандитой Кунга Гьялценом (тиб. *Sa skya pandita kun dga' rgyal mtshan*; 1182–1251), когда тибетская школа *сакья* получила военно-политическую защиту монголов, а монгольские правители приобрели духовных наставников в лице сакьяских иерархов. Решительный процесс сближения монголов с тибетцами начался с визита в 1247 г. Кунга Гьялцена в Монголию, когда «Сакьяский пандита и хорский царь Годан устроили встречу» [31, с. 78].

¹¹ Материалы германо-монгольской археологической экспедиции были представлены на выставке в Берлине [29].

¹² Очевидно, речь идет о летнем буддийском 45-дневном затворе покаяния и возобновления обетов Винайи для духовных лиц (тиб.: *dbuvar nas mkhas blang*, монг.: хайлан хурал), который начинается в полнолуние последнего летнего месяца.

Согласно буддийской традиции, на лотосовом троне с непокрытыми покрывалом ногами изображаются уже ушедшие из жизни учителя. Таким образом, обстоятельства времени, личные качества Угэдэй-хана, портретное сходство с ним говорят в пользу того, что в образе мудрого полководца, правителя в боевом облачении в шахматной фигурке изображён умерший в 1241 г. Угэдэй-хан, отец Годана, распространившего буддийское вероисповедание в монгольской империи. Заказчиком шахмат в буддийском монгольском стиле, возможно, был сам Годан-хан в период с 1241–1247 по 1257 г. Первые даты – это год смерти отца Годана и год официального принятия буддизма, последняя – дата ближневосточного похода Хулагу-хана, с которым и ушёл первый владелец удивительных шахмат, Хумейд мин Насибил Куреш, не вернувшийся из Аравии.

Заключение

Миниатюрные скульптуры, отлитые из латуни (состав сплава см. в табл. 1), являются фигурами монгольских шахмат (*шатар*). Представляют собой характерную художественную пластику монгольского стиля, исторические корни которого кроются в искусстве ранних кочевников Евразии, т. н. скифо-сибирском зверином стиле. О том, что «народная монгольская скульптура имеет разительный стилиевой параллелизм с образцами скифо-сибирского анимализма», справедливо писал известный, российский учёный В. А. Коренько [32].

Судя по характерному шву, проходящему посредине фигурок животных, литьё производилось традиционным, древним способом с разъёмной земляной формы из двух частей, в которых оттискивалась готовая матрица. Постамент в виде лотосового буддийского трона отлит отдельно, поэтому при соединении фигурок с постаментом копытца несколько деформировались. Разный химический состав сплава говорит о кустарном способе изготовления с отдельным замесом и литьём фигурок. Все пять фигурок посажены на лотосовые постаменты, на таких обычно изображаются божества и культовые предметы. О буддийском характере скульптурок свидетельствует не только использование лотосов, но и полное отсутствие агрессии в обликах воина и животных.

Наиболее информативной для датировки предметов является скульптурка *ноёна* – шахматного короля. *Ноён* представлен как воин в средневековых доспехах, которые носили представители монгольской знати в период завоевательных походов Чингис-хана и его наследников в XIII–XIV вв. На этот же период указывает изображение средневекового монгольского знамени на оборотной стороне спинки трона (рис. 6.9; 7.1). Навершием знамени является трезубец – родовая тамга Тулуя, наследника родовых земель Чингис-хана, то есть древней территории собственно Монголии. Знак трезубца использовали в своих печа-

тях потомки Чингисова *отхона*, великие правители монгольских и ближневосточных территорий Мункэ-хан и Хулагу-хан (рис. 9.3).

Немолодое лицо полководца испещрено морщинами, пушистые усы прикрывают крупный рот. Несмотря на статичную позу со скрещёнными ногами и руками, фигура полна скрытой силы, достаточной гибкости и динамики. Пропорциональное сложение, поджарый живот, решительный жест рук (правая кисть обхватывает левую руку у запястья), резко очерченные пластины доспехов, жёсткие наручи, высокие бортики монгольских сапог, чёткая симметрия композиции создают ощущение крепости и стабильности его обороны.

Монгольский воин изображён без оружия, что соответствует неучастию Угэдэя в военных действиях монгольской армии в период своего правления. Боевой шлем с пышным плюмажем и круглым значком на лобной части выглядит как царская корона или головной убор высокородного господина. Спинка лotosового трона сделана в форме киота, поэтому герой выглядит как буддийский мудрец, погружённый в глубокое размышление о вечных истинах и судьбах своего народа. Лепестки лotosовых постаментов обращены вниз, они имеют широкую и плоскую форму, характерную для непальской изобразительности XII–XIV вв. Это свидетельствует о постепенном усилении непало-тибетских традиций, приходящих на смену уйгурской изобразительности.

В изображениях животных монгольские мастера, очевидно, сохраняли некий автохтонный образец на протяжении столетий. Так, мы видим идентичные облики монгольских лошадок с крупными горбоносими головами, мохнатыми гривами и хвостами, с характерным поворотом голов, а также ревущих верблюдов, чуть приседающих на задние ноги и машущих хвостами; такой же характерный наклон головы *ноёна* в шахматных фигурках XX столетия. Замкнутые линии, чистые контуры, лаконичность, при этом удивительная выразительность художественных средств, динамизм, огромная любовь к животным, характерная для скотоводов, т. н. пухлость или округлость форм – все эти черты монгольской изобразительности воплощены в миниатюрных фигурках шахмат.

Скульптурные изображения несут ярко выраженный национальный монгольский облик, нет никакого сомнения, что моделирование изображений было осуществлено мастером монгольского этнического происхождения. Сюжетная тематика шахматных сражений и их художественное оформление, как правило, отражали историческое время их создания, а идеи, натура черпались художниками из повседневного окружения, вполне конкретных исторических реалий. Поэтому облики шахматных фигур в истории мировых шахмат, как правило, соответствуют своей эпохе. Всё это говорит в пользу того, что описанные скульптуры были изготовлены, вероятнее всего, около 1247–1257 гг. Во всяком случае, не позднее XIV в., пока ещё была актуальна символика завоевательных походов и не утеря-

на эстетика средневекового воина. В то же время правящая монгольская элита уже восприняла буддийское учение¹³, в атмосфере уже витало новое осмысление происходящих событий, а изобразительные средства непало-тибетского буддизма стали проникать в народное искусство и ремёсла.

Литература

1. Сыртыпова С.-Х. Д. Об обнаружении средневековых монгольских шахмат на Северном Кавказе. *Ориенталистика*. 2018;1(1):98–112. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-1-98-112.
2. Линдер И. М. *Шахматы на Руси*. М.: Наука; 1964. 64 с.
3. Орбели И., Тревер К. *Шатранг: Книга о шахматах*. Ленинград: Государственный Эрмитаж; Типография им. Ив. Федорова; 1936. 196 с.
4. Murray H. J. R. *A History of Chess*. Oxford University Press; 1913.
5. Саргин Д. И. *Древность игр в шашки и шахматы*. М.: Типография И. И. Иванова, 1915. 396 с.
6. Буряков Ю. Ф. Шахматы древнего Афрасиаба. *San'at*. 2000;(3). Режим доступа: http://sanat.orexca.com/2000-rus/2000-3-2/yuriy_buryakov/ [Дата обращения: 15 мая 2018 г.].
7. Шиляев А. *Древность шахматных игр*. Режим доступа: <http://thaichess.narod.ru> [Дата обращения: 15 марта 2018 г.].
8. Даркевич В. П. Древнерусские шахматы. *Наука и жизнь*. 1962;8:107.
9. Lehner F. A. *Fürstlich Hohenzollernsches Museum zu Sigmaringen: Verzeichnis der Schnitzwerke*. Sigmaringen: Tappen; 1871. 95 p.
10. Sprinz H. *Die Bildwerke der Fürstlich Hohenzollernschen Sammlung Sigmaringen*. Stuttgart: Zurich; 1925. 46 S.
11. Dörig J. *Ritratti dell' Imperatore Federico II*. *Rivista d'Arte*. 1955; XXX:65–91.
12. Keats V. *Chess, its Origins*. Oxford: Oxford Academia Publishers, 1995. 350 p.
13. Williamson P., Davies G. *Medieval Ivory Carvings 1200–1550*. London: V & A Publishing; 2014. 928 p.
14. Крыжановская М. *Западноевропейская резная кость Средних веков*. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; 2014. 312 с.
15. Рашид ад-Дин Фазлуллах. *Джами-ат-Таварих*. Баку: Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1957;3. 880 с.
16. Арутюнов С. А. Распространение христианства и магометанства среди ингушей. В: Далгат Б. К. *Первобытная религия чеченцев и ингушей*. М.: Наука; 2004:38–52.
17. Долгиева М. Б., Картоев М. М., Кодзоев Н. Д., Матиев Т. Х. *История Ингушетии*. Нальчик: Магас; 2011. 483 с.

¹³ Отношение монгольских правителей к вероисповеданию граждан на всей территории империи было чрезвычайно терпимым. Известно, что джучиды, начиная от Берке-хана, были приверженцами ислама, жена Хулагу-хана Докуз-хатун была христианкой несторианского толка, сам Хулагу-хан был склонен к буддизму. Годан, сын Угэдэй-хана, пригласил тибетского Сакья-пандиту Кунга Гьялцена для распространения буддизма и, вероятно, в 1247 г. сам принял буддизм. Буддизм в качестве официальной религии был принят при дворе Хубилай-хана в 60-х гг. XIII в.

18. Рашидад-Дин. *Джами ат-Таварих. Сборник летописей*. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР; 1952;1. Режим доступа: <http://trans-move.com/FA/File/sa/temp/EFPEEBXR.pdf> [Дата обращения: 28 июня 2018 г.].

19. Горелик М. В. *Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, оружие, снаряжение*. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

20. Козин С. А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un Nigusa tobciyan*. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР; 1941. 620 с.

21. Сыртыпова С.-Х. Д. Память монгольских знамен и тамги (К вопросу онтологии современных атрибутов власти). *Азия и Африка сегодня*. 2009;(10):74–77.

22. Бичурин Н. Я. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР; 1950;1. 471 с.

23. Дулам С. *Монгол бэлгэдэл зүй. Тоны бэлгэдэл зүй*. Улаан-Баатар: МУИС; 1999. 210 х.

24. Эрдэнэбат Б., Мягмарсамбуу Г. *Монгол улсын бух цэргийн их хар сулд. Уламжлал, шинэчлэл*. Улаанбаатар; 2011.

25. Чжао Хун. *Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар)*. М.: Наука; 1975. 285 с. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Menda/text.phtml> [Дата обращения: 30 июня 2018 г.].

26. Nyamaa B. *The coins of Mongol Empire and Clan Tamga of Khans (XIII–XIV)*. Ulaanbaatar: Mongolia; 2005. 242 p.

27. Рашид ад-Дин. *Джами ат-Таварих. Сборник летописей*. М.; Л.: Издательство АН СССР; 1952;2. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin/> [Дата обращения 28 июня 2018 г.].

28. Джiovанни дель Плано Карпини. *История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны*. М.: Государственное издательство географической литературы; 1957. Режим доступа: http://az.lib.ru/r/rubruk_g/text_0020.shtml [Дата обращения: 30 июня 2018 г.].

29. Erdenebat U., Pohl E. The Crossroads in Khara Khorum: Excavations at the Center of Mongol Empire. In: Fitzhugh W., Rossabi M., Honeychurch W. (eds) *Chingis Khaan and the Mongol Empire*. Washington, DC: Arctic Studies Center; 2009:137–145.

30. Владимирцов Б. Я. Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам. В: Владимирцов Б. Я. *Работы по монгольскому языкознанию*. М.: Восточная литература; 2005:105–137.

31. Пагсам-Джонсан. *История и хронология Тибета*. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение; 1991. 264 с.

32. Кореняко В. А. *Монгольская народная скульптура*. М.: Мосгорпечать, 1990. 226 с.

References

1. Syrtyпова S.-Kh. D. On the Discovery of Medieval Mongolian Chess in the Northern Caucasus. *Orientalistica*. 2018;1(1):98–112. (In Russ.) DOI: [10.31696/2618-7043-2018-1-1-98-112](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-1-98-112).

2. Linder I. M. *Chess in Rus*. Moscow: Nauka; 1964. (In Russ.)

3. Orbeli I., Trever K. *Shatrang: Book on Chess*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh; Tipografiya imeni Iv. Fedorova; 1936. (In Russ.)

4. Murray H. J. R. *A History of Chess*. Oxford University Press; 1913.
5. Sargin D. I. *Antiquity of Games in Checkers and Chess*. Moscow: Tipografiya I. I. Ivanova, 1915. (In Russ.)
6. Buryakov Yu. F. *Chess of ancient Afrasiab*. San'at. 2000;(3). Available at: http://sanat.orexca.com/2000-rus/2000-3-2/yuriy_buryakov/ [Accessed 15 May 2018]. (In Russ.)
7. Shilyaev A. *Antiquity of Chess Games*. Available at: <http://thaichess.narod.ru> [Accessed 15 March 2018]. (In Russ.)
8. Darkevich V. P. Old Russian Chess. *Nauka i zhizn*. 1962;8:107. (In Russ.)
9. Lehner F. A. *Fürstlich Hohenzollernsches Museum zu Sigmaringen: Verzeichnis der Schnitzwerke*. Sigmaringen: Tappen; 1871.
10. Sprinz H. *Die Bildwerke der Fürstlich Hohenzollernschen Sammlung Sigmaringen*. Stuttgart: Zurich; 1925.
11. Dörig J. Ritratti dell' Imperatore Federico II. *Rivista d'Arte*. 1955; XXX:65–91.
12. Keats V. *Chess, its Origins*. Oxford: Oxford Academia Publishers, 1995.
13. Williamson P., Davies G. *Medieval Ivory Carvings 1200–1550*. London: V & A Publishing; 2014.
14. Kryzhanovskaya M. *Western European Medieval Ivories*. St. Petersburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha; 2014. (In Russ.)
15. Rashid ad-Din, Fazlullah. *Jami-at-Tavarih*. Baku: Izdatelstvo Akademii nauk Azerbaidzhanskoi SSR, 1957;3. (In Russ.)
16. Arutyunov S. A. Distribution of Christianity and Mohammedanism among the Ingushes. In: Dalgat B. K. *Primitive religion of the Chechens and Ingushs*. Moscow: Nauka; 2004:38–52. (In Russ.)
17. Dolgieva M. B., Kartoev M. M., Kodzoev N. D., Matiev T. Kh. *History of Ingushetia*. Nalchik: Magas; 2011. (In Russ.)
18. Rashid ad-Din. *Jami At-Tawarih. Collection of annals*. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR; 1952;1. Available at: <http://trans-move.com/FA/File/sa/temp/EPPEEBXR.pdf> [Accessed 28 June 2018]. (In Russ.)
19. Gorelik M. V. *Mongol-Tatar Armies 9th – 14th centuries. Military Art, Weapons, Ammunition*. Moscow: Vostochnyi gorizont, 2002. (In Russ.)
20. Kozin S. A. *The Secret History. The Mongolian chronicle of 1240 under the title Mongol-un Niguca tobciyan*. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR; 1941. (In Russ.)
21. Syrtypova S.-Kh. D. Memory of the Mongolian banners and Tamgas (ontology of the contemporary attributes of authority). *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today*. 2009;(10):74–77. (In Russ.)
22. Bichurin N. Ya. *Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times*. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR; 1950;1. (In Russ.)
23. Dulam S. *Mongolian Symbolism. The Colour. Ulaan-Baatar: MUIS*; 1999. (In Mong.)
24. Erdenebat B., Myagmarsambuu G. *The black Banner of the Armed Forces of Mongolia. Traditions and Innovations*. Ulaanbaatar, 2011. (In Mong.)
25. Zhao Hong. *Meng-da bai-lu (Complete description of the Mongol-Tatars)*. Moscow: Nauka; 1975. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Menda/text.phtml> [Accessed 30 June 2018]. (In Russ.)

26. Nyamaa B. *The coins of Mongol Empire and Clan Tamga of Khans (XIII–XIV)*. Ulaanbaatar: Mongolia; 2005.

27. Rashid ad-Din. *Jami At-Tawarih. Collection of annals*. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR; 1952;2. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin/> [Accessed 28 June 2018].

28. Giovanni del Plano Carpini. *History of the Mongols. Guillaume de Rubruk. Travel to Eastern countries*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury; 1957. Available at: http://az.lib.ru/r/rubruk_g/text_0020.shtml [Accessed: 30 June 2018].

29. Erdenebat U, Pohl E. The Crossroads in Khara Khorum: Excavations at the Center of Mongol Empire. In: Fitzhugh W, Rossabi M., Honeychurch W. (eds) *Chingis Khaan and the Mongol Empire*. Washington, DC: Arctic Studies Center; 2009:137–145.

30. Vladimirtsov B. Ya. On the relationship of the Mongolian language to the Indo-European languages. In: Vladimirtsov B. Ya. *Works on Mongolian linguistics*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2005:105–137. (In Russ.)

31. Pagsam-Jonsan. *History and chronology of Tibet*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otделение; 1991. (In Russ.)

32. Korenyako V. A. *Mongolian Folk Sculpture*. Moscow: Mosgorpechat; 1990. (In Russ.).

Информация об авторе

Сыртыпова Сурун-Ханда Дашины-маевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Востоковедения Российской академии наук

About the author

Surun-Khanda D. Syrtyпова, Dr. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences